

ВСАДНИКИ СВОЕГО АПОКАЛИПСИСА

Бедствия и ничтожество литературы надо искать там, где на писателей глядят только как на стадо

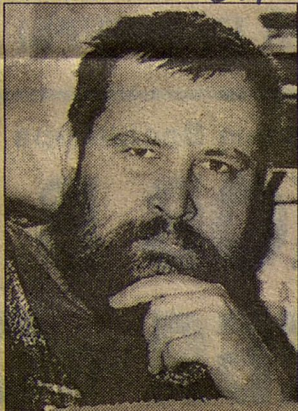
Куписа НГ (присл. к Независимой газ.) — 1999 — № 4 — С. 2

Олег Павлов

РУССКИЙ писатель немыслим без своей одинокой правды и своего сокровенного обособленного мира. Эти миры стараются разрушить — но не разрушат. Чем сильнее давление на русского писателя, тем крепче и выкуют стержень его личности, так что сами ж обломают зубки.

Бедствия и ничтожество литературы надо искать там, где на современных писателей глядят только как на литературное стадо без роду и племени и меряют скопом чуть ли не на вес, будто бы сырое мясо. Похожие на конвейерную ленту и очередь за славой списки да поголовная опись пишущих, что публикуется нынче под видом литературной критики; всеобщая обезличивающая приписка к направлениям; формирование келейной новой премиальной номенклатуры авторов и ежегодное запирание всех пишущих, чаще всего даже помимо авторской воли, в лошадно-собачьи-тараканьи бега за призами, и прочее подобное высокомерное отношение к самобытности Писателя, и снисходительный взгляд на личность Писателя, как на безликую литературную скотинку, какой бы любовью вообще к русской словесности и заботой о ней он ни маскировался, — вот приемы господствующей теперь в литературе тотальной критики. Это ж по законам этой критики за то, что какую-нибудь Наталью Иванову приемлют в цивилизованных мирах, и за то, что Иванова приемлет по-рабски цивилизованные миры, — не она расплачивается своим благополучием, а должны отторгнуты быть обязательно Распутин да Белов. И кого следующего там заготовили отторгнуть от литературы? Кого обложат гробовым молчанием? Даже те немногие, кто будто бы держится в критике своего особого мнения, все ж не удерживаются от судейского высокомерия: вот Павел Басинский умненько Астафьева пристыдит Солженицыным, позволяя себе думать, что писатель этот русский грешен как-то иначе — как не грешит и сам литературный критик; а Бондренко пристыдит Астафьева и Солженицына сразу уж всем Союзом писателей России, но не удержась-таки и от удовольствия объявить Солженицына «русским националистом»; и прочее, и прочее!

Да в том ли теперь дело? Неужели не понимают?!

ТРАВИНИ ПИСАТЕЛЕВ

До сих пор для русского писателя главным — это пробудить написанным в людях совесть. Русский писатель до сих пор твердит, вызывая только к состраданию, что не человек преступлен, а преступна жизнь. Да, посылает он проклятие этой вот жизни, но проклятия человеку — не посылает. В этой жизни, в том, как она устроена за счет угнетения слабых да несчастных, ничего хорошего совесть не позволяет русскому писателю углядеть — не способен он врать умильно. А вот в человеке он видит хорошее; опускается с человеком на самое дно проклятой этой жизни и видит все равно шевеление души, волю к лучшему, неутраченное достоинство.

Но наша официальная литература, где обезличили зависимых послушливых писателей, стала как безликий изображать уже и свой народ. То есть писатели, которых приучили ждаться милостей на дармовщинку да быть понукаемой литературной скотинкой, и писать человека заделались на барских дрожжах как управляемую инстинктами, понукаемую скотинку, и глядят на этого человека с высокомерием господ. Вот что теперь у нас происходит — и это нешуточно, здесь уж не прикроешься фиговым листком «русской современной словесности».

Какая такая словесность, когда сегодня само то русское, что в России заключалось в писательском призвании, в писательстве, берут на измор. Но в то время как, насаждая фиглярство да безродство, обезличивают русскую литературу мощнейшим напором продажные, все понимающие умники, — в то время у нас каждый уважающий себя среднеарифметический литератор обиденно разглагольствует о том, что это она сама, современная литература, истлевает живо эдакой бесхребетной амемой!

Да если бы не было сегодня у русской литературы духовного хребта, который ломают уже и об колено да никак не переломают, то давно б среднеарифметические господа-литераторы не разглагольствовали красивенько даже об ее ничтожестве, а сгинули бы всем своим гуртом незнамо где да незнамо как. Литература жива, и дух ее жив не теми, кто рассуждает о ее ничтожестве, никчемности, серости да кормится преспокойно от ее ж плоти, а титаническим одиноким усилием тех, кто крепит ее хребет, зная о себе непоколебимо, что не является ничтожеством.

Ничтожны те, кто допускает мысль о ничтожестве русской литературы, допускает и преспокойно с той мыслью существует дальше, не пуская себе, однако ж, пули в лоб; иначе сказать, говорят о смерти в России литературы, умертвляют ее, но себя отчего-то жалеют да оставляют в живых. И это дает право писать на продажу или потребу. Они ж уверовали, что русский писатель уж на веки вечные остался без своего читателя, — что в мариинных его смерти. Но кто читал Аввакума? И был ли читатель массовый у Андрея Платонова? Кто вообще-то читал в России, когда до последнего века вовсе не обучали массово грамотности?

Бог даже с ней, с изыщной словесностью, но нельзя хоронить творческое в народе, нельзя топтать таланты, что обязательно из почвы русской прорастут: вы — не смогли, но поднимутся на ваших усилиях другие, придут за вами — и смогут. И правда в том, что литературе национальной для того, чтобы быть, вовсе не нужен массовый читатель. Ей надо просто быть, нужны ей вдохновение, вера, страсть. Она — это часть духа России, ее суть, почти как ее природа. Она есть потому, что есть в мире сами русские люди, а в них — дар Божий творчества. Можно как угодно плохо относиться к нашим нравам, порядкам, невежеству, душевному рабству, что плесенью своей заедают русского человека, но все испускает талантливость, искра творчества, бескорыстная способность к подвигу. Гасить эту искру, не верить в талантливость русского человека, не верить в то, что все он способен сделать и сотворить на своей земле сам, заставляя жить на всем готовом и давиться всем чужим — и духовно чуждым, — это значит хотеть превратить его в раба, в скота, уничтожить в нем достоинство человеческого.

Но в конце концов это и невозможно сделать — все, кто хотели быть господами, а народ свой сдать, как рабский, внаем, эту простую истину и пожнут.

